

СЕМАНТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РЕЦИПИЕНТНОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ В КОМПАРАТИВНОЙ МОДЕЛИ МИРА И. БАБЕЛЯ

В статье рассматривается структура реципиентной зоны компаративной модели репрезентации концепта человек сквозь призму теории предикатов в индивидуальной картине мира И. Бабеля. В реципиентной зоне человек представлен как человек физический (субконцепты: глаза, лицо, голова, живот, рот, грудь, борода, шея, зубы, нос, морщины) и человек психический (субконцепты: ментальность и эмоциональная среда). Свойства человека в большинстве случаев представляются посредством предикатов, которые являются основанием в компаративной модели. При отсутствии предикатов он легко восстанавливается. В кругу предикатов выделены предикат качества, действия и абстрактных понятий.

Ключевые слова: русский язык, И. Бабель, компаративная модель, предикат, картина мира.

Интерес к проблеме индивидуальной языковой картины мира обусловлен доминированием в современной лингвистике антропоцентрической парадигмы. Объектом языкового анализа становится языковая личность как носитель определенных творческих и национально-культурных особенностей. Внимание лингвистов привлекли творческие личности А. Пушкина, Н. Гоголя, И. Бунина, М. Горького, С. Есенина, К. Паустовского, А. Гайдара и многих других. Языковая личность И. Бабеля не стала предметом специального исследования. Вместе с тем И. Бабель своей художественной манерой выделяется даже среди ярких и своеобразных литературных дарований 20-х годов XX столетия. Сквозь угрюмый реализм его произведений рельефно и выпукло проступает образ романтика-мечтателя, стремящегося подняться над хаосом революции, бедностью и страданиями. В произведениях талантливого одессита языковая картина мира предстает одновременно и причудливо-фантастической, и безжалостно реалистической. Использованием этого материала достигается задача изучения как укорененных в языке стереотипов восприятия мира, так и путей их художественного преодоления, чем и обусловлен выбор **объекта** анализа.

Несмотря на значительное количество трудов, посвященных этому вопросу (Н. Д. Аругюнова [2, 5-32], Р. А. Будагов [6,312-40], Ю. В. Герасимова [7], Л. В. Голоюх [8], А. А. Довженко [9], А. Н. Захарова [10], Л. П. Иванова [12], В. П. Ковалев [13,100-121], Х. Д. Леэмето [15], Л. И. Мяснянкина [16,45-51], В. В. Образцова [17], Г. А. Основина [18,36-46], Ю. С. Степанов [19,34-65], О. В. Шинкаренко [22,65-66] и другие), методика анализа антропоцентрической парадигмы языка все еще пребывает на стадии становления.

Изучение языковой картины мира писателя уже по определению может быть только содержательным путем «прорубывания просек» [20,5-39] в экзистенциальном массиве языкового бытия. В предлагаемом исследовании языковая картина рассматривается сквозь призму компаративных тропов сравнения и метафоры, которые рассматриваются как элементы системы, реализующие прагматические функции языка. Компаративные тропы не только фиксируют элементы картины мира, как все языковые единицы, но и показывают их формирование, т.е. они являются динамическими моделями. Метафора и сравнение – это гибкие средства репрезентации смысла, они эксплицируют работу познания в процессе освоения мира, поскольку фиксируют точку зрения воспринимающего, что обуславливает **актуальность исследования** не только в контексте проблематики языковой личности, но в аспекте психолингвистическом.

Компаративные тропы представляют собой образования, несущие определенный «промежуточный» элемент, который связывает фрагменты картины мира. Эта связь может носить как логический, так и образный характер. Выяснение степени прагматической значимости компаративных тропов в проекции на индивидуальную модель мира И. Бабеля тесно связано с теоретическими аспектами данной проблемы. И метафора, и сравнение как образные языковые средства в научной лингвистической литературе получили достаточно широкое освещение (Н. Д. Арутюнова, Ю. Н. Караулов, Т. К. Кучеренко, Л. И. Мяснянкина, М. И. Черемисина и другие).

В сравнении присутствуют два объекта, которые в этом отношении играют неодинаковую роль, эти объекты должны быть отличными друг от друга, но в них должно быть что-то такое, что делает их тождественными и позволяет сравнивать друг с другом. Основанием сравнения считается свойство (или совокупность свойств), благодаря которому два предмета могут образовывать компаративное отношение, в результате которого их возможно сравнить. Так же мы рассматриваем и метафору, поскольку в ее основе лежит все тот же компаративный механизм.

В нашем исследовании для анализа компаративной модели мы употребляем термины: прототип, предмет и основание и трактуем ее как структурированный образец, который дает нам новое знание. Понятие прототип в современной когнитивной лингвистике употребляется как «лучший представитель класса» и в таком наполнении может применяться и к объекту – носителю признака, способного заменить целое понятие – предмет сравнения и дающий новое знание о нем. Н. Д. Арутюнова, исследуя сравнительный механизм метафоры, употребляет термины субъект сравнения и термин сравнения [2, 5-32]. И. К. Кучеренко оперирует понятиями субъект сравнения и объект сравнения [14, 6]. Однако, по нашему мнению, в исследовании индивидуальной модели мира термин субъект сравнения приобретает оттенок многозначности: он применяется скорее к человеку, проводящему операцию сравнения. На наш взгляд, целесообразнее использовать термины предмет – прототип и основание, т. е. тот признак, по которому сравнивают объекты, а термин модель использовать применительно ко всей сравнительной конструкции. В терминах психологии восприятия предмет сравнения мы обозначаем как реципиентная зона, а прототип сравнения – донорская зона [см.: 4, 14-17]. Хотя отражаемая сравнением психическая операция связана с сопоставлением двух объектов по некоторому основанию, в подавляющем большинстве случаев непосредственной целью сравнения являются те или иные проявления сравниваемого – именно они соотносятся с вневременными свойствами объекта сравнения. Строго говоря, с семантической точки зрения, основание сравнения выступает в имплицитном виде как метапредикат сопоставляемых предикатов. Такой взгляд на семантику сравнений не отрицает значимости рассмотрения семантических свойств субстантивных **предмета (реципиентная концептосфера)** и **прототипа (донорская концептосфера)** сравнения, но лишь предполагает целесообразность при анализе субъектов сравнения рассмотрения и предикатов, сочетающиеся с ними, что составляет **новизну** исследования, наравне с введением в научный обиход нового языкового материала.

Анализ компаративных конструкций в произведениях И. Бабеля обнаруживает антропоцентричность мировидения писателя: человек выступает предметом компаративных конструкций в 1453 единицах (около 70% фиксаций). При этом особенностью бабелевской прозы является преимущественное использование человека **в реципиентной зоне** в сравнении, тогда как в метафорах человек не является главным объектом внимания автора.

Этот вывод согласуется с исследованиями сравнения в идиостилиях других писателей, в которых также констатируется превалирующая позиция в качестве предмета сравнения человека [17].

При помощи сравнения человек квалифицируется в двух аспектах: **человек физический** (его внешний вид) и **человек чувствующий**. В классе Человек физический выделяется подкласс **части тела**. Концепт **человек** в словаре обозначен как «живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда» [20]. В этом значении данный концепт потенциально наиболее богат по характеру своих проявлений, а следовательно, и по репертуару предикатов. С этим предметом сочетаются как предикаты, денотаты которых лежат на временной оси – предикаты действия, процесса, результата, состояния, так и предикаты, не имеющие временной локализации – предикаты класса действий, класса состояний, качественные предикаты. Обращение к произведениям И. Бабея показывает, что человек – предмет сравнения в его творчестве реализует не все эти возможности.

Предметы сравнения, относящиеся к концептосфере человек, у И. Бабея имеют референтное прочтение, т. е. они обозначают конкретные денотаты. Включение их в сравнительные конструкции обычно диктуется необходимостью описания внешнего вида персонажа. В связи с этим при предметах сравнения часто употребляются предикаты качества. Например: *Отлакированные их пролетки двигались шагом, в каждом экипаже сидел один человек с букетом, и кучера гарцевали на высоких сидениях, были украшены, как шафера на свадьбе* (I, 118); *Они ехали в лаковых экипажах, разодетые, как птицы колибри, в цветных пиджаках* (I, 118); *Кучки старых черноморских матросов, поджав ноги, сидят на деревянной пристани, сидят разморенные и застывшие, как кайфующие арабы, и не могут отвести глаз от черных, отлакированных бортов* (II, 192).

Квалификация в приводимых примерах страдательных причастий, которые в своей основе являются результатами, как предикатов качественной характеристики опирается не только на русскую грамматическую традицию, но и на семантические посылки: обозначаемые ими проявления: их субъект несет на себе отпечаток бывших действий или процессов.

Иногда в качестве предиката, являющегося своеобразным мостиком для передачи актуальных внешних проявлений субъекта-предмета сравнения, выступают процессные предикаты: *Дети содрогаются от запаха, как собака от заячьего следа, и испытывают безумие, которое потом, когда мы становимся взрослыми, называется вдохновением* (I, 132).

Отсутствие в составе предикатов, связанных с передачей внешнего вида человека, предикатов действия, которые являются зоной, контролируемой лишь человеком (если не брать во внимание метафорическое и метонимическое прочтение субъектов), открывает в принципе безграничные возможности для конкретизации внешности.

Передача внешнего облика зачастую в творчестве И. Бабея связывается и с характеристикой отдельных его черт, что также совпадает с общей тенденцией художественного представления человека. У писателя доминирующим является обращение к концептам **глаза** и **лицо**, хотя предметами сравнения у него выступают и другие части тела: **голова, живот, рот, ноги, ступни, колени, грудь, желудок, борода, пальцы, щеки, шея, зубы, нос, морщины**.

К характеристике глаз в компаративных конструкциях привлекаются концептосферы как человеческого, так и предметного мира:

Мишка обернулся, посмотрел на меня, и глаза его были, как у ребенка, - ласковые, сияющие и счастливые (I, 185); *Желтые и нежные его глаза повисли над столом, как бумажные фонари на китайской улице; Они [зрачки] неслись на помертвевшее застывшее стадо [калек], как лучи прожекторов, как языки пламени* (II, 146); *Смотрю на Никитинскую вроде как весело, а у него уже глаз нету, только шары посреди лица стоят, как будто вкатили ему шары под лоб на позицию* (I, 51); *Генеральские глаза передо мной, как фонари, мигнули* (I, 59).

Таким образом, **глаза** в соотношении с ребенком (*открытые, доверчивые*), с фонарем, прожектором (*лучистые*) и с военными действиями (*размер*) получают разную аксиологическую характеристику.

Метафорическая характеристика глаз более сдержанна (зафиксировано всего 3 конструкции: *Начдив шесть подписал приказ с завитушкой, бросил его ординарцам и повернул ко мне серые глаза, в которых танцевало веселье* (II, 28); *В серых раскрытых глазах ее окаменело распутство* (I, 243); *Горничная с окаменевшими глазами прошла по комнате* (I, 247). Для создания метафоры И. Бабель сталкивает концепт **глаза**, с одной стороны, с движением (*в глазах танцевало веселье*), с другой – с неподвижностью (*в глазах окаменело распутство; окаменевшие глаза*). Подобное столкновение концептов и создает напряжение метафоры.

Как и глаза, **лицо** представляет человека в целом, является его «портретом». Поэтому физическая характеристика лица раскрывает и духовную сущность человека: *И мы с пригорка увидели, как Афонька, сгорбленный под тяжестью седла, с лицом серым и красным, как рассеченное мясо, брел к своему эскадрону, беспредельно одинокий в пыльной пылающей пустыне полей* (II, 84); *Я отвел лицо киргиза, горячее, как камень под солнцем, и расцарапал его так глубоко, как только мог* (I, 92); *Поравнявшись с голым Гершем, который обнял дерево, корчмарь остановил лошадь и лицо его стало таким же глупым, как у монаха, повстречавшегося с дьяволом* (II, 190); *На мужественных его щеках цвел румянец, как у крестьянских ребят, сидела бородавка у него на щеке, рос пучок пепельных кошачьих волос* (I, 129); *Волынские цадики с фарфоровыми лицами стояли за его стулом и слушали с оцепенением похвальбу Менделя Крика* (I, 134).

Писатель видит и представляет читателю и «фрагменты лица»: (1) *Рот его был разодран, как губа лошади* (II, 74); (2) *Женщина облила Ивана водой и вынула у него изо рта длинный зуб, качавшийся в черном рту, как береза на голом большаке* (II, 102); (3) *Гершеле сел. Ноздри его раздувались, как кузнечные мехи* (II, 209); (4) *Толпа волхвов была изрезана сверкающими лысынами и морщинами, кровавыми, как раны* (I, 18). В фокусе компаративных конструкций, выстраивая определенный ассоциативный ряд, оказываются разные по своей денотативной соотносительности концепты – **животное, дерево, предмет, абстрактное имя**. Это разнообразие создает не только образы констатации (1 и 3), но и образы, окрашенные сочувствием автора (2 и 4).

Характеризуя внешность человека, И. Бабель, противопоставляет **лицо** как носитель «портретных» качеств человека **телу**, живущему отдельной от лица жизнью, определяемому концептосферой животного *Тело Саики, цветущее и вонючее, как мясо только что зарезанной коровы* (I, 75); *Пот... обтекал эти груди разросшегося сладко воняющего человеческого мяса* (I, 116) и предметного мира: *(Оно [тело] двигалось..., как движется барка в глубоком канале* (I, 144).

Как видно из примеров, подсистема **части тела**, хотя и может обнаруживать свойства, характеризующиеся предикатом действия, также пассивна, что, «открывает» вакансии для любого предиката сравнения.

Сделанные наблюдения показывают, что прагматическая устремленность И. Бабеля к характеристике лица по его внешнему виду заставляет его искать предикаты, которые становятся прототипами сравнения, в сфере обозначения константных явлений.

Компаративные тропы, в которых человек предстает в сфере своих **психических и ментальных** проявлений (человек мыслящий), обнаруживают большее число разновидностей предикатов, характеризующих предмет сравнения. Тут представлены качественные предикаты; при них прототипы выступают средством конкретизации выделенного свойства: (1) *Она хотела, чтобы мы жили хорошо, и она была права, как*

может быть права мать (I, 144); (2) *И в памяти зажигается образ южных евреев, толстых, пузырящихся, как дешевое вино* (II, 38); (3) *Таков Махно, многообразный, как природа* (II, 37); (4) *Три кухарки, не считая судомоек, готовили свадебный ужин, и над ними парила восьмидесятилетняя Рейзл, традиционная, как свиток торы, крохотная и горбатая* (I, 120); (5) *Будешь ты, Арина, как легкая песня* (I, 150).

Качества человека объективируются концептами человек, напиток, природа, атрибут религии, песня.

В сравнительной характеристике психических и нравственных черт человека основание человека по преимуществу эксплицитно (примеры 1, 2, 3, 4). Это объясняется стремлением к точности, но также зависит и от прототипа. Если прототип конкретен, однозначен, основание сравнения может легко восстанавливаться (пример 5: *Арина необременительная, близкая, понятная, как легкая песня*). Если же прототипы многоаспектны (*мать, свиток торы, действительность* и даже *дешевое вино – кислое, молодое, мутное* и т.п.), необходимо уточнение основания сравнения. Отступления от данного принципа встречаются, на наш взгляд, у И.Бабеля лишь с целью сознательного «размывания» образа, его неуловимости, нечеткости, многозначности.

Реже непосредственными предметами сравнений выступают процессные предикаты и предикаты действия: *Он сидел в горнице, старый старик, и разбирал три седла: английское, драгунское и казацкое, – а я «стоял» у его двери, как лопух, цельный час и все без последствий* (I, 47); *И больше я ничего не видел, потому что люди, тихонько отойдя от Савиной могилы, бросились бежать, как с пожара* (II, 117); – *Я вижу хорошие порядки на этом Сахалине, – сказал Цудечкис-Песе-Миндл, – вот лежит ребенок и разрывается на части, что на это жалко смотреть, и вы толстая женщина сидите, как камень в лесу, и не можете дать ему соску* (I, 148).

К сравнениям, в которых человек описан с точки зрения своих психологических проявлений, относится весьма однотипная группа конструкций, в которых человек характеризуется с точки зрения наиболее абстрактного своего проявления – *жить*. Предикат *жить* реализуется в таких примерах: *Каждая девушка, – сказала она ему, имеет свой интерес к жизни, и только одна я живу, как ночной сторож при чужом складе* (I, 119); *Жил себе невинный холостяк, как птица на ветке, – и вот он погиб через глупость* (I, 114); – *И ты осмеливаешься писать? Человек, не живущий в природе, как живет в ней камень или животное, не напишет во всю свою жизнь двух стоящих строк* (II, 164); *Но я остался один в моей работе, покойник Лева Бык умер, нет мне помощи ниоткуда, и вот один, как один бог на небе* (I, 122); *И скоро все забывается, вот уж и не помнится, и мы живем, как живут люди без счастья* (II, 215); *Хорошо жили, как черти, и все до той поры, пока не заявился ко мне старец во второй раз* (I, 47); *Я стараюсь жить, как живет в старой Англии Мэтью Троттибэрн, последний мастер трубок, противящийся ходу вещей* (I, 163).

В данных примерах предикат *жить* обнаруживает свойства неспецифических предикатов, поскольку он включает в себя самые разнообразные проявления субъекта: поступки, мысли, чувства и т. д. Сопоставление его с производным существительным *жизнь* показывает, что в русской ментальности он имеет больше оснований для квалификации в качестве предиката неспецифического процесса, о чем, в частности, говорят словосочетания *жизнь течет, жизнь продолжается*. Сравним примеры: *Жизнь его проходит так. Обыкновенно он встает утром часов в восемь, одевается и пьет чай* (А. Чехов). Концепт *жить* в этих случаях выступает как не привязанный к временной оси предикат неспецифического процесса. Он обнаруживает близость к предикату конкретной бытийности *быть*. Подобная тенденция к использованию процессных предикатов наблюдается и в языке И. Бабеля. Например: ... *вы, толстая женщина, сидите, как камень в лесу* (I, 148).

В приведенных примерах у предиката преобладают признаки неопределенности проявления. По этому признаку они сближаются с относительно нечастотной группой компаративных конструкций, в которых непосредственно контактируют субстантивные предмет и прототип.

[Он] – *Чисто медведь*, – сказал старший, увидев Борового, – это сила непомерная... Такого старика [Фроима Грача] не убить, ему б износу не было... В нем десять зарядов сидит, а он все лезет... (II, 258); ... А маленькое *дитя* ваше, *такое дитя*, как звездочка (I, 126); *Я здесь рак на безрыбье* (II, 238); - *Что был Стон? Лысый лоб у вершины палки* (I, 86).

Данные предложения поддерживают сему сравнительности благодаря образности. К ним примыкают конструкции с союзом **как**, в которых из-за отнесенности предмета и прототипа к одному виду фиксируется значение не сравнения, а включения. Ср.: *Как все евреи, он был мал ростом, хил и страдал от учения головными болями* (I, 76).

Особенностью компаративных конструкций, в которых предмет сравнения относится к концептосфере **человек**, является то, что называемые проявления человека, как правило, лишены метафоричности. Проявление предмета сравнения здесь характеризуется с опорой на обычные качества прототипа сравнения. Поэтому в этой группе преимущественно используется союз **как**. Описание свойств предмета с ориентацией на ситуации нечастотны. Например: *На последнем суде, – говорю и смотрю на Никитского вроде как весело, а у него уже и глаз нету, только шары посреди лица стоят, как будто вкатили ему шары под лоб на позицию, и он хрустальными этими шарами мне примаргивает тоже вроде как весело, но очень ужасно* (I, 51); *Беременные бабы наливались..., как коровье вымя наливается на пастбище розовым молоком весны* (II, 131).

Человек доминирует в кругу компаративных номинаций. Кроме того, что это детерминировано антропоцентричностью бабелевского видения мира, это объясняется и тем, что человеческую природу трудно номинировать однозначно. По этой причине в кругу компаративных именованных предметов и явлений из концептосферы **человек** доминируют сравнительные конструкции, к которым человеческие свойства представлены путем «выделенности» человека из природы, тогда как метафора как бы «цементирует» их.

В реципиентной зоне доминируют концепты глаза, лицо. Многообразие донорской зоны (антропосфера, предметный и животный мир, абстрактные понятия) свидетельствуют о нетривиальном фокусе видения мира автором, а его логическая аргументированность обеспечена многообразием предикатов, в том числе и метафорических, что создает сильнейшее напряжение компаративной модели.

Перспективу исследования усматриваем в изучении донорской сферы компаративной модели мира И. Бабеля, а также в установлении типов сопряженности предикатов с прототипами и предметами сравнения из концептосферы человек.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Метафора / Арутюнова Н. Д. // Русский язык : Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. : БРЭ, 1998. – С. 233–236.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Арутюнова Н. Д. // Теория метафоры / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. М. Журиной. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
3. Бабель И. Э. Сочинения в 2-х томах / Бабель И. Э. – М., 1990. – 478с.
4. Барменкова О. П. Компаративна модель світу в російській мові та її реалізація у творах І. Бабеля : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук спец. : 10.02.02 «Російська мова» / О. П. Барменкова. – К., 2003. – 20с.

5. Бартон В. И. Сравнение как средство познания / Бартон В. И. – Минск : Вышэйша школа, 1978. – 128с.
6. Будагов Р. А. Метафора и сравнение в контексте художественного целого / А. Р. Будагов // Русская речь. – 1973. – №1. – С.31–40.
7. Герасімова Ю. В. Метафоризація в поезії і прозі І. О. Буніна : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : 10.02.02 «Російська мова» / Ю. В. Герасімова. – К., 1995. – 17с.
8. Голоюх Л. В. Порівняння як структурний компонент художнього тексту : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : 10.02.01 «Українська мова» / Л. В. Голоюх. – К., 1996. – 17с.
9. Довженко А. Л. Сравнительные конструкции в художественных произведениях М. М. Коцюбинского : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : 10.02.01 «Українська мова» / А. Л. Довженко. – К., 1996. – 19с.
10. Захаров А. Н. Эволюция образной системы Есенина (Олицетворение – метафора – сравнение – символ) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : 10.02.02 «Російська мова» / А. Н. Захаров. – М., 1972. – 19с.
11. Иванова Л. П. Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин») : Пособие по спецкурсу / Иванова Л. П. – К. : ИСДО, 2000. – 54с.
12. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Караулов Ю. Н. – М. : Наука, 1987. – 263с.
13. Ковалев В. П. Метафора и сравнение как основные языковые средства создания образности «Сказок об Италии» М. Горького / В. П. Ковалев // Вопросы стилистики. Вып. 4. Межвуз. науч. сб. / Отв. ред. О. Б. Сиротинина. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1972. – С. 110–121.
14. Кучеренко І. К. Порівняльні конструкції мови в світі граматики / Кучеренко І. К. – К., 1959. – 106с.
15. Леэметс Х. Д. Структура сравнений в прозе Мариинского / Х. Д. Леэметс // Уч. зап. Тартурского ун-та. Вып. 275. Труды по русской и славянской филологии, 1971. – № 19. – С. 97–170.
16. Мяснянкина Л. И. Взаимодействие метафоры и сравнения в идиостиле М. А. Шолохова / Л. И. Мяснянкина // Русская филология. Украинский вестник : Республиканский научно-методический журнал. – Харьков, 1999. – №5. – С. 45–51.
17. Образцова В. В. Сравнение в поэзии Сергея Есенина : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : 10.02.02 «Російська мова» / В. В. Образцова. – Л., 1971. – 19 с.
18. Основина Г. А. Сравнительные конструкции в прозе А. П. Гайдара / Г. А. Основина // Вопросы русского языка. Вып. 8. – Ярославль : СНТ Ярославского пединститута, 1973. – С.36–46.
19. Степанов Ю. С. Язык и метод / Степанов Ю. С. – М., 1998. – 204с.
20. Табачковський В. Г. Філософське-антропологічне питання про сутність людини у координатах постмодерну / В. Г. Табачковський // Колізії антропологічного розмислу. – К. : Параман, 2002. – С.5–39.
21. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка / Черемисина М. И. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1976. – 270 с.
22. Шинкаренко О. В. Сравнение в языке Н. В. Гоголя / О. В. Шинкаренко // Актуальные проблемы изучения творчества А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя. Тезисы научно-практической конференции. – Херсон, 1989. – С. 65–66.

Барменкова О. П. Семантична своєрідність реципієнтної концептосфери в компаративній моделі світу І. Бабеля.

У статті розглядається реципієнтна зона компаративної моделі репрезентації концепта людина крізь призму теорії предикатів в ідивідуальній картині світу І. Бабеля. В реципієнтній зоні людина представлена як фізична особа, що включає такі субконцепти: очі, обличчя, голова, живіт, рот, груди, борода, шия, зуби, ніс, зморшки, і як психічна особа, що включає ментальну та емоційну сфери. Ознаки людини в більшості випадків маніфестованно предикатами, які є базою в компаративній моделі. При відсутності предиката його можна легко відтворити. В статті виділені предикати якості, дії та абстрактних понять.

Ключові слова: російська мова, компаративна модель, предикат, картина світу, І. Бабель.

Barmenkova O.P., Semantic Peculiarities of the Recipient Concept Sphere in the World Comparative Model of I. Babel.

In this paper we study a recipient zone structure of the comparative representative model of an individual concept via the predicative theory in I. Babel's individual world picture. In the recipient zone an individual is presented both as a physical person (sub-concepts: eyes, face, head, stomach, mouth, breast, beard, neck, teeth, nose, wrinkles) and as a mental person (sub-concepts: mentality and emotional sphere). Mostly the individual behavior is described by predicates that are fundamentals for the comparative model. In the absence of the predicates they can be easily found. Among predicates are chosen predicates of quality, action and abstract concepts.

Key words: Russian language, I. Babel, comparative model, predicate, world picture.

Надійшла до редакції 29.09.09

Прийнято до друку 04.11.09

УДК 811.161.:81'367.624

И. Н. Литвин

МОДУСНЫЙ МОТИВАТОР РУССКИХ НАРЕЧИЙ

Статья посвящена когнитивно-ономасиологическому анализу мотивации русских наречий. Описывается роль модусного компонента в мотивации наречий, при которой производное наименование опирается на оценочно-эмоциональное восприятие именуемого.

Ключевые слова: когнитивно-ономасиологический анализ, мотивация, диктум, модус.

Традиционно проблема мотивации как процесс означивания представлений о референте на базе мыслительной и лингвистической его связи с другой реальией рассматривалась на грани словообразования и лингвистической семантики (О. И. Блинова, Е. А. Земская, О. П. Ермакова, В. В. Лопатин, И. С. Улукханов, М. Н. Яценецкая). Однако мотивация – феномен не только языковой системы, но и человеческого сознания. В русле когнитивной ономасиологии качественно новое понимание мотивации предлагает Е. А. Селиванова: «Мотивация – это сквозная для модели порождения [наименований] психоментальная операция, результатом которой является семантико-ономасиологическая зависимость языковых знаков (производного и производящего), возникшая на основе сложной системы коннекций концептов человеческого сознания» [7, 158].